

кирскій домъ. Онъ сдалъ помощнику дѣла и книги и, подавъ заявленіе о выдачѣ ему его вклада, поѣхалъ домой. Вечеромъ къ нему пріѣхалъ Антоновъ.

Благодушно улыбаясь, Антоновъ протянулъ обѣ руки Никодиму Павловичу и началъ своимъ мягкимъ голосомъ:

— Ну, вотъ, ну, къ чему это, Никодимъ Павловичъ? Столько лѣтъ! Намъ не подобаетъ ссориться! Время теперь трудное и горячее. Начнется подписка на новый заемъ... Нѣтъ, мы цѣнимъ васъ, цѣнимъ, Никодимъ Павловичъ. Вѣдь вы не только бухгалтеръ, Никодимъ Павловичъ, но и нашъ совѣтникъ, нашъ другъ. Полноте, Никодимъ Павловичъ, полноте, Никодимъ Павловичъ!

— Да я чтѣ... — отвѣчалъ Прягинъ. — Очень радъ. Слѣдовало бы только обдуманнѣе удалить меня. Вотъ вы говорите, что я другъ, а Самуиль Аѳанасьевичъ увѣрялъ, что я врагъ. А я, Андрей Егоровичъ, дѣйствительно, опять могу быть полезенъ конторѣ, но съ однимъ условіемъ: никакихъ тайнъ.

— Никодимъ Павловичъ, ахъ, Никодимъ Павловичъ! Что же это... вы хотите быть компаньономъ?

Прягинъ потупилъ глаза, прошелся по комнатѣ и сказалъ:

— Да, я желаю быть компаньономъ.

— Фактически вы, Никодимъ Павловичъ, компаньонъ.

— Хорошо компаньонъ, котораго прогоняють, какъ лакея!

— Нѣтъ, Никодимъ Павловичъ, на это Самуиль Аѳанасьевичъ не согласится. Онъ и безъ того тяготится участіемъ зятя, да и я ему тяжелъ.

— Хорошо, мы заключимъ условіе, въ которомъ будутъ огорожены мои права, какъ бухгалтера.

— Никодимъ Павловичъ, не раздражайте Самуила Аѳанасьевича.

— А Богъ съ нимъ. Если это его раздражить, такъ я совсѣмъ не хочу.

— Никодимъ Павловичъ! Нашъ безцѣнный Никодимъ Павловичъ! Подумайте, Никодимъ Павловичъ!

— Не хочу!

Наступило молчаніе. Прягинъ ходилъ по своей библіотекѣ. Антоновъ, просительно улыбаясь, грѣлъ возлѣ камина свои толстыя руки и смотрѣлъ на Прягина.

— Я привезъ вамъ облигаціи желѣзныхъ дорогъ, — началъ Антоновъ. — Онѣ у меня въ портфель. Прикажете?

Онъ пошелъ за портфелемъ, открылъ его и положилъ облигаціи на столъ. Никодимъ Павловичъ посмотрѣлъ на расчетный листокъ и внимательно пересчиталъ бумаги.